



ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'373.612

МОДЕЛЬ СИТУАЦИИ «СТРАННЫЙ ПОСТУПОК» (на материале русского языка)

Л. А. Бушуева

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
E-mail: sebeleva@yandex.ru

В статье представлены результаты фреймового анализа ситуаций поступков «чуждачество», «проделка», «глупость». В основе исследования лежит гипотеза о том, что представления о поступках опираются на инвариантный фрейм, представляющий собой структуру, состоящую из слотов: мотив/цель, действие, агент, объект, оценка, результат. Показано, каким образом имена данных поступков репрезентируют инвариантную логико-когнитивную модель поступка в речи.

Ключевые слова: фрейм, слот, имя поступка, прототип.

The Model of the Situation 'A Queer Act' (in the Russian Language)

L. A. Bushueva

The article presents the results of the frame analysis of the situations of such acts as 'eccentricity', 'prank', 'folly'. The research is based on the idea according to which the conceptualization of acts is linked with the invariable frame, which is a structure built by the following elements: an aim, action, subject, object, valuation, result. The paper shows the names of the acts representing this invariable frame model of an act.

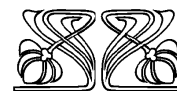
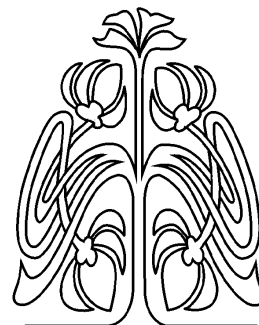
Key words: frame, slot, name of act, prototype.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-253-257

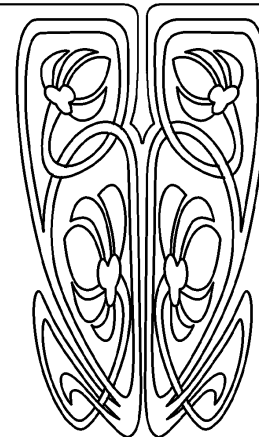
Информация, которую человек получает, познавая мир, фиксируется в сознании в виде различных структур, одной из которых является категория. Построение категорий осуществляется людьми для того, чтобы обеспечить себе нормальное существование. В процессе восприятия информации человек определяет ее, некоторым образом классифицирует и помещает на определенное место в той картине мира, которая у него уже существует. Категоризация позволяет систематизировать многообразие явлений окружающего мира и человеческих ощущений, придать действительности упорядоченный характер, свести полученную из внешнего мира информацию в определенные рубрики¹.

Способами представления знаний служат когнитивные структуры: концепты, фреймы, схемы, скрипты и т. д. Одно и то же явление или действие может быть концептуализировано как в виде концепта, так и в виде фрейма.

По определению М. Минского, фрейм – экономный способ передачи информации, который ускоряет процесс ее обработки, так как наряду с явными содержит и скрытые, подразумеваемые сведения. Фрейм является одним из способов представления стереотипной ситуации и отражает основные моменты близких ситуаций, принадлежащих одному классу². Данная статья посвящена проблеме отражения поступков в языковой картине мира. Целью исследования является определение механизма категоризации поступков в речевом сознании носителей русского языка и в их речевой практике. В работе представляются результаты анализа фреймов поступков «чуждачество» «проделка», «глупость» в русском языке.



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Использование фреймового подхода позволяет вскрыть стереотипные отношения в структуре знаний носителей русского языка о данных поступках, фреймы которых могут быть отнесены к одному лексико-семантическому полю «Странные, вызывающие или неразумные поступки»³. Фреймы «чужачество» и «проделка» относятся к подгруппе «Странные, вызывающие поступки»; фрейм «глупость» – к подгруппе «Странные, неразумные поступки».

Фреймы объективированы в языке единицами фрагментов словообразовательных гнезд, семантически связанных с поступками «чужачество», «проделка», «глупость», и их синонимами. В языке поступки, соотносимые с фреймом «чужачество», репрезентированы лексемами *чужачество*, *странность*; поступки, объединенные фреймом «проделка», – лексемами *выверт*, *проказа*, *шалость*, *выходка*, *художество*, *фортель*, *штука*, *номер*; поступки, объединенные фреймом «глупость», – лексемами *глупость*, *идиотство*, *безрассудство*, *безумие*, *безумство*, *сумасбродство*, а также их однокоренными лексемами. Смысловым компонентом, присущим значениям всех слов, репрезентирующих фреймы «чужачество», «проделка», «глупость», является сема «странный поступок, не согласующийся с общепринятыми нормами поведения». Репрезентантами данных категорий поступков являются единицы *чужачество*, *проделка*, *глупость*, так как они обладают более обобщенной семантикой, характеризуются большей употребительностью.

Инвариантный фрейм поступка включает в себя слоты: мотив, агент, действие, результат, оценка поступка⁴. Будучи многогранной фигурой, фрейм при апелляции к нему может «поворачиваться» то одной, то другой гранью. Опираясь на результаты проведенного дискурсивного анализа, рассмотрим, какие элементы фреймов «чужачество», «проделка», «глупость» эксплицированы в речи, а какие выступают как скрытые в случаях вербализации ситуаций названных поступков.

Контекстуальный анализ позволяет конкретизировать более или менее точно элементы «агент поступка», «действие, лежащее в его основе», «оценка» и «результат». Мотив поступков фреймов «глупость», «чужачество», «проделка» слабо выражен. Наименее значимым элементом в структуре всех рассматриваемых фреймов является элемент «объект поступка».

1. Мотив поступка. Фреймы поступков «глупость», «чужачество», «проделка», по всей видимости, связаны между собой посредством элемента «мотив поступка». Чаще всего именно незнание мотивов поступка препятствует пониманию происходящего и, возможно, является причиной того, что он причисляется к группе неразумных или странных, вызывающих, а именно к проделкам, чужачествам и глупостям. Например, «*Оказалось, мой коллега, убоившись возможного наказания за невыполненное важнейшее задание,*

на всякий случай накатал на меня “телегу” в Центральный Комитет. Тогда это обстоятельство очень обидело: хочешь помочь человеку в трудный для него момент, а он, зараза, такие фортели выкидывает... Это сейчас мне ясно: не коллега мой был виноват, а система, которая воспитывала нас на незабвенных примерах Павлика Морозова и других столь же светлых образцах» (Б. Грищенко, Посторонний в Кремле, 2004)⁵; «*К тому же меня смущала слишком уж очевидная глупость этого поступка. Немотивированность и бессмысленность его сбивали с толку. Для чего Лене этот портрет? Загадки, загадки...*» (И. Павская, «Джоконда» Мценского уезда, 2006); «*Что за чужаковатые молодчики, отправившиеся в Америку без денег и, что совершенно непонятно, без визы и обратного билета?*» (Былые времена // «Вокруг света», 2004).

Фреймы поступков «проделка» и «чужачество» находятся в более «близком родстве» в отношении мотивов, лежащих в основе поступков. К наиболее частотным мотивам поступков, объединенных данными фреймами, можно отнести желание удивить, позабавить кого-либо или себя. Мотив актуализирован в значительном количестве контекстов НКРЯ применительно к поступкам «проделка» и «чужачество» и в некоторых контекстах, описывающих группы близких поступков, характеризующихся общим фреймом «глупость». Рассмотрим следующие примеры: «*А чудаки наши московские! Да-с, любим щегольнуть чужачествами. Я на днях выезжал на паре, так на запятках у меня были трехаршинный гайдук и карлица, левая коренная у меня была с верблюда, а правая – с собаку, – хохотал граф. – А какой у меня повар! Суций враг!*» (Э. Радзинский, Княжна Тараканова, 1999); «*Самгин достаточно насмотрелся на чужаковатых людей и был уверен, что чужачество – ставка на внимание, нехитрая игра в оригинальность*» (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, часть 2, 1928); «*“Она хочет удивить нас, – думал я, – к чему это? Что за детская выходка?”* Словно угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзительный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у ней стакан воды» (И. Тургенев, Ася, 1858); «*Размах, впрочем, подразумевал не шик, но сумасбродство. Например, угостив за счет многочисленных гостей не только пивом, но и кое-чем покрепче, что курится через воду в сосудах или сухим в фольге, сорвать телефонную будку на улице, принеся торжественно домой, а на ее законном месте оставить записку со своим именем и номером телефона <...> Полиция начинала шевелиться, конечно, не раньше утра, а всю ночь Милтон был в центре внимания...*» (А. Цветкова, Про одного ныне почтенного дедушку // «Сибирские огни», 2012).

2. Агент поступка. В русском языковом сознании поступки, имеющие фрейм «проделка» и



фрейм «глупость», ассоциируются с человеком молодого возраста, ребенком. Это в большей степени характерно для поступков, объединенных фреймом «проделка»; в отношении поступков, имеющих фрейм «глупость», это проявляется в осознании поступков ребенка как не всегда разумных и обдуманных, в основном мотивированных прихотями и капризами, свойственными юному возрасту: «*А потом на протяжении семи лет рядом со мной был взбесившийся капризный ребенок, который в любую минуту мог выкинуть любой фортель, и за которым надо было постоянно присматривать и систематически испытывать крайне неприятные минуты острого стыда за его поступки*» (А. Маринина, Чужая маска, 1996); «*Такой безрассудный поступок, так может поступить только дитя бессмысленное, не страшящееся смерти, потому что ничего еще не знает о жизни, о жизни, которая похожа на детское дыхание на морозном стекле <...>*» (И. Полянская, Сельва, 1996); «*Нагромождение нелепых поступков, глупостей, просто идиотизма – и со стороны Ирины, и со стороны Леонида, который, будто и не повзрослел, вел себя неадекватно*» (А. Слаповский, Большая книга перемен // «Волга», 2010).

Фреймы поступков «чужачество» и «глупость» также взаимосвязаны через элемент «агент поступка»: типичным агентом поступков является человек, находящийся в «измененном» психическом состоянии (человек во власти сильных эмоций (влюбленный), под воздействием стрессовой ситуации, под влиянием алкоголя). Например, «*Мама была главным человеком в моей жизни, и, когда она заболела и умерла, мне казалось, я тоже умер. Такая абсолютная потерянности. Еще чуть-чуть, и я бы совершил какую-нибудь глупость*» (Е. Гусятинский, Разные способы повзрослеть // «Русский репортер», 2010); «*Господи, вот уж действительно страх делает людей идиотами*», – подумал он» (З. Юрьев, Смертельное бессмертие // «Наука и жизнь», 2007); «*А ты – напился, стыдно почему-то было тебе! И куда лезешь, чердачный житель? С кем равняешься? К тому же недавно крупно начудил. Знает ли она? Во время очередной разлуки с ней случайно узнал, что она в Финляндии, на фото-выставке, а я – всего через залив от нее, в Доме творчества. Тут вьюга началась, и подумалось: а что я сделал, чтобы ее завоевать?*» (В. Попов, Будни гарема, 1994).

Общим агентом для всех трех фреймов является человек, склонный к таким поступкам в силу особенностей своего характера: проделки (выходки, шалости и т. д.), так же как и чужачества, типичны для человека, тяготеющего к непредсказуемой, оригинальной манере поведения; глупости – поступки человека, не умеющего рационально мыслить, предвидеть возможные результаты поступков. Рассмотрим следующие примеры: «*Мать говорила, что был он в молодости*

веселым, общительным, готовым ко всяким проказам, любил выпить, хорошо рисовал и пел русские народные песни. Уже тогда был склонен к разным чужачествам» (В. Войнович, Замысел, 1999); «*Опомнись, сыночек. Твои безумства не кончатся добром. Ты должен остепениться и начать совершенно новую жизнь*» (Е. Парнов, Александрийская гемма, 1990); «*– Я всю жизнь мечтал встретить девушку с холодной головой. – Зачем? – Потому что я сам сумасбродный, так чтоб она не давала мне делать глупостей*» (А. Солженицын, В круге первом // «Новый мир», 1990).

3. Действие, лежащее в основе поступка. Действие как таковое не конкретизировано в структуре фреймов, а лишь обобщенно оценочно охарактеризовано. Признаками, объединяющими все поступки подгруппы «Странные, вызывающие или неразумные поступки», являются компоненты «делать что-то, что не согласуется с общепринятой нормой/ситуацией». Как правило, оценивание происходит по одной схеме: действие рассматривается в соотношении с конкретной ситуацией, мотивом, возможными последствиями или же личностью самого агента. Например, в следующем контексте номинация *глупый* употребляется применительно к человеку, чьи действия не соответствуют ситуации: «*Говорили про подружку одного из них – глупую приезжую девушку, все делающую невпопад, открывающую рот где надо и вводящую в конфуз*» (Е. Долгинова, В сугроб обратно! // «Русская жизнь», 2012).

4. Оценка. Элемент «оценка» – наиболее значимое звено в структуре фреймов поступков «глупость», «проделка», «чужачество», так как именно оценка позволяет разграничить поступки «чужачество», «проделка», «глупость». И проделки, и глупости, и чужачества могут совершаться агентами со сходными чертами в отношении кого угодно, в их основе могут лежать любые действия и мотивы, но проделки, так же как и чужачества, – это не всегда действия, оцениваемые как неразумные, в отличие от глупостей; а глупости – не всегда странные, в отличие от чужачеств, и вызывающие, в отличие от проделок.

В целом все поступки фреймов получают отрицательную оценку с тем различием, что: 1) чужачество воспринимается как нечто, что требует размышления, анализа с целью понять мотивы поступка: «*Размышляя над многими чужачествами и безумствами Аполлона Григорьева, Блок писал: “Этот неряха и пьяница, безобразник и гитарист никогда, собственно, и не хотел быть” светлою личностью, “не желал казаться” беленьким и паинькой*» (Ю. Безелянский, В садах любви, 1993); 2) проделка ассоциируется с вызывающим поступком, противоречащим нормам поведения: «*Я уже не говорю про нашумевшие проказы с росписью стен Страстного монастыря цитатами из своих стихов*» (Р. Ивнев, У подножия Мтацминды, 1973); 3)



глупость осознается как неразумный поступок: «Да и что это за **сумасбродство** – гараж куда-то тащить, последняя собака и та смеяться будет» (А. Иванов, За рекой, за речкой, 1982).

Для фреймов поступков «глупость», «проделка», «чуждачество» характерна также амбивалентная оценка: в зависимости от контекста поступки могут получать положительную оценку, например, «Милый Козловский... можно ли не любить его очаровательные **чуждачества**? Не счесть алмазов в этом человеке!» (Б. Филиппов, Актеры без грима // «Юность», 1965); «Она пыталась **шалить**, безобразничать, в общем, вести себя плохо, но почему-то родители на это не так сердились, как на поступки старших дочерей, наоборот, умилялись, частенько произнося фразу: “Маленькие детки – маленькие хлопоты”» (А. Слаповский, Гибель гитариста, 1994–1995); «Вы живете как положено, как предписано, но в этом и ваша слабость. Вы не способны на **безумство**. Великое вам не по плечу, а жизнь нельзя подогнать под выверенную схему» (Э. Рязанов, Э. Брагинский, Ирония судьбы или с легким паром, 1969).

4. Результат поступка. Актуализация в дискурсе элемента «результат поступка» указывает на связь фреймов «глупость» и «проделка». Прототипическим результатом для всех рассматриваемых в рамках данных фреймов поступков является неизбежное наказание или неприятности, несчастье: «Мы с мужем совершили **непростительную глупость**, взяв ее, и несем теперь свой крест» (Д. Емец, Таня Гроттер и магический контрабас, 2002); «Двое уже получили за эту **шалость** / хорошо получили / от души» (С. Говорухин и др. Ворошиловский стрелок, к/ф, 1999); «Лишь после того, как администратору сказали, что он своим **поведением, глупым и безрассудным**, мешает следствию по важному делу и за это, конечно, будет отвечать, Варенуха разрыдался и зашептал дрожащим голосом и озираясь, что он врет исключительно из страха, опасаясь мести Воландовской шайки, в руках которой он уже побывал, и что он просит, молит, жаждет быть запертым в бронированную камеру» (М. Булгаков, Мастер и Маргарита, часть 2, 1929–1940).

В меньшей степени такие последствия характерны для чуждачества, но все же некоторые контексты указывают на возможность подобного исхода: «Лихорадочная активность или мертвый покой не меняют сути дела: жизнь уже сложилась, переиграть ее невозможно. Но можно валять дурака или поставить жизнь на кон. Безобидные варианты **чуждачеств** вызывают смех, другие – ведут к трагедии. Грань между тем и другим тонка и, бывает, меняется в одном рассказе (“Миль пардон, мадам!”)» (И. Сухих, Душа болит // «Звезда», 2001); «А начнешь **чудить**, не отвечать на вопросы, предупреждать по телефону подруг – милиция сможет тебе проблемы организовать» (Д. Виноградов, Глазами мента // «Русский репортер», № 14 (93), 2009).

Так как не всегда изначально понятны мотивы и истинная суть чуждачеств, то и результат может быть непредсказуемым, например: «Можно считать их **чуждаками**, говорит Тейяр де Шарден, но не будем спешить. Посмотрите вокруг: все, чего достигло человечество, придумано, открыто, создано ими. Их мало, но они – соль земли. Тогда же, в 1943 году, в Нью-Йорке американский психолог Абрахам Маслоу пришел к выводу что душевную норму нужно устанавливать по лучшим людям, как физическую – по спортсменам» (Г. Бельская, Привет, Джо! // «Знание – сила», 2003).

Таким образом, исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в речи ситуацию странного поступка могут представлять и сами имена поступков, и отдельные компоненты этой ситуации (*проказник* – агент поступка «проказка», *чуждаческий* – определение, характеризующее поступок и т. д.).

Во-вторых, в основе представлений о странных поступках лежит регулярно реализуемый в речи инвариантный фрейм, слотами которого являются мотив, действие, агент, объект, оценка, результат. Опорными точками представлений о странных поступках являются прототипические референты: прототипические мотивы (желание удивить, позабавить, позабавиться или же мотив скрыт); прототипические действия (странные, не согласующиеся с ситуацией или агентом поступка); прототипические агенты (ребенок; человек, склонный к странным поступкам по разным причинам); прототипическая оценка (отрицательная); прототипические последствия (наказание; неприятности). Модель ситуации странного поступка представляет собой структуру, в которой слоты инвариантного фрейма поступка занимают разные места на шкале эксплицитности. Неодинаковая конкретизация слотов может объясняться их значимостью в осмыслении стереотипной ситуации конкретного поступка или тем, что данный слот подразумевается в случае вербализации других элементов фрейма, так как фрейм – это, в первую очередь, экономная передача информации.

Элементы фрейма пересекаются с элементами других фреймов, каждый из которых стоит за отдельным конкретным именем поступка. Так, например, *чуждачество* как имя поступка имеет прототип восприятия «странный, неожиданный поступок», и если кого-либо назовут *чуждаком*, то апелляция к указанному прототипу будет вполне очевидна. За данным именем поступка стоят вполне предсказуемые ассоциации. Вместе с тем наименование *чуждак* может отсылать к именам поступков «художество», «фортель» и даже «глупость». За каждым поступком также стоит фрейм-структура. Очевидно, что данные фреймы, соотносимые с конкретным именем поступка, находятся во взаимодействии друг с другом, потому что имеют общую модель, сходным образом репрезентированную в речи. При активизации одного из элементов фрейм-структуры активизируются и все



другие ее элементы, но для активизации выбирается наиболее значимый элемент, что в свою очередь указывает на то, что слоты фрейма существуют не изолировано друг от друга, а представляют собой взаимосвязанные фрагменты единого ментального комплекса, фрейма поступка.

Примечания

¹ См.: Голованова Е. Введение в когнитивное терминоведение. М., 2014.

² См.: Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

³ Шведова Н. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М., 1998. С. 274.

⁴ См.: Бушуева Л. Поступки и их имена : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

⁵ Здесь и далее цитаты приводятся с сайта корпуса современного русского языка «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ). URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 20.02.2017).

Образец для цитирования:

Бушуева Л. А. Модель ситуации «странный поступок» (на материале русского языка) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 253–257. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-253-257.

Cite this article as:

Bushueva L. A. The Model of the Situation 'A Queer Act' (in the Russian Language). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 253–257 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-253-257.
